

Главному злодею снова три с половиной года [] []: Глава 7. Тапочки-пищалки

Yánchéng Tàishòushēng

Полчаса спустя.

— Дорогие зрители, на этом сегодняшние дневные новости подходят к концу. До новых встреч завтра в это же время.

Раздался стук в дверь.

Под плавные звуки заключительной музыки ведущий новостей в телевизоре склонил голову, сосредоточенно приводя в порядок свои записи.

За пределами экрана Лу Ао сидел, выпрямив спинку, с серьезнейшим выражением на лице. Он поднял руку и... поправил воротничок своей пижамы.

Цзян Чжуйюй, сидевший на диване рядом с больничной койкой, подпер голову рукой и смотрел на малыша с нескрываемым недоумением.

Неужели...

Если он ничего не путает, этот... этот крошка просто сидел перед телевизором и смотрел прямой эфир новостей. Он же вроде бы не пролезал внутрь телеэкрана и не встречался с мировыми лидерами?

Так что это он вообще такое вытворяет?

Взгляд, полный сомнения и легкого презрения, был слишком очевиден. Лу Ао его заметил.

Он повернул голову, посмотрел на Цзян Чжуйюя и взглядом спросил: «Чего тебе?»

Цзян Чжуйюй усмехнулся, переложил голову на другую руку и спросил:

— Милый, а не хочешь ли ты сходить проверить свой IQ?

Лу Ао нахмурился и ответил вопросом на вопрос:

— Разве раньше не проверяли?

Он помнил, что в прошлой жизни, как раз когда ему исполнилось три года, его водили на тестирование.

Конечно, не то чтобы у него сохранились личные воспоминания об этом. Просто позже, когда он вырос, он нашел дома результаты того самого тестирования.

В результатах значились его основные данные: имя, пол и возраст на момент прохождения теста.

Согласно отчету, в возрасте трёх лет и одного месяца его IQ достиг поразительных 140 баллов!

Кто-то (сейчас уже ясно, кто именно) взял ярко-красный маркер и с размахом, крупными небрежными иероглифами¹ написал рядом с оценкой: «У нас дома растёт маленький гений!». Затем отчёт торжественно вставили в позолоченную рамку и повесили в парадном холле, бок о

бок с бесценными мировыми шедеврами живописи.

Примечание 1: □□□□ - букв. «как летящий дракон и танцующий феникс», т.е. очень размашисто, энергично и красиво.

Неважно, кто входил в дом — хозяева или гости, — первым, что бросалось в глаза, был именно этот отчёт.

Лу Ао, конечно же, его видел.

Но позже в доме остался только он один.

Одной глубокой ночью, когда Лу Ао было тринадцать — самый разгар трудного подросткового периода, — он проснулся от кошмара. В ярости он схватил бейсбольную битку и разнёс весь дом вдребезги.

Так тот самый отчет и его разбитая позолоченная рамка исчезли среди руин, растворившись навсегда.

Именно поэтому, переродившись, Лу Ао не стал специально притворяться дурачком. Он же вундеркинд с трёх лет! Разве не естественно для него вести себя чуть более зрело?

Лу Ао невольно выпрямился еще больше и посмотрел на Цзян Чжиюя с пониманием. Теперь-то ему стало ясно: тот, кто написал «У нас дома растёт маленький гений!» и вставил отчет в рамку, — это точно был Цзян Чжиюй.

Он действительно обожает хвастаться!

Хотя... таким высокоинтеллектуальным малышом, как он, действительно не стыдно и похвастаться.

— Конечно, конечно, проверяли, — весело отозвался Цзян Чжиюй. — Но папочке кажется, что ты стал ещё умнее! Может, сходим проверимся снова, посмотрим, есть ли прогресс?

— Ладно уж, — с демонстративной неохотой кивнул Лу Ао.

— Отлично! Как только поправишься, папа тебя отведёт, — сказал Цзян Чжиюй, беря пульт и выключая телевизор. — А сейчас почти время пить лекарство. Сначала прими таблетку.

— Угу, — буркнул Лу Ао.

Цзян Чжиюй налил Лу Ао стакан тёплой воды, дал ему самому подержать, и достал лекарство, выписанное врачом.

Лу Ао был ещё слишком мал, поэтому врач не рискнул назначать много препаратов или что-то сильнодействующее. Всего одна маленькая таблетка, да ещё и покрытая сладкой зеленой оболочкой, чтобы скрыть горечь.

Цзян Чжиюй предупредил его:

— Это лекарство, а не конфетка. Нельзя долго держать его во рту, нужно проглотить залпом.

— Знаю, — ответил Лу Ао, протянул руку, взял таблетку, швырнул её в рот, запил водой и, подняв голову, разом проглотил.

— Папочка проверит. Ааа... — Цзян Чжюй преувеличенно открыл рот.

Лу Ао с каменным лицом разинул рот.

Цзян Чжюй внимательно заглянул, убедился, что таблетка проглочена, и лишь тогда, поддерживая его за подбородок, позволил малышу закрыть ротик.

Врач предупредил, что Лу Ао нужно много отдыхать и спать.

Но сразу после приема лекарства лечь было нельзя.

Поэтому Цзян Чжюй решил вместе с ним разобрать вещи.

Дедушка Чжан, сбегав по делам, успел и домой за вещами Цзян Чжюя и Лу Ао, и на рынок за продуктами. Спешил так, что даже толком не глядел, что хватает, — просто приволок два огромных чемодана.

В одном были вещи Лу Ао, в другом — его игрушки.

Цзян Чжюй распахнул чемодан с одеждой, вывалил всё содержимое на кровать, и они вместе стали сортировать вещи, попутно решая, что же надеть завтра.

Лу Ао молча копошился в куче одежды.

Нижняя кофта под зебру.

Нижние штанишки, сплошь покрытые принтом со Снупи.

Комбинезон цвета яичного желтка с аппликацией в виде солнечной яичницы.

Цзян Чжюй смотрел на него в ожидании:

— Ну как? Что выберешь?

Лу Ао поднял на него бесстрастный взгляд и промолчал.

Цзян Чжюй захлопал глазами, изобразив самое невинное выражение лица:

— Тебе же все эти вещи так нравятся, никак не можешь выбрать?

Лу Ао вдохнул поглубже и наконец проговорил:

— Позвольте спросить, Цзян Чжюй, могу ли я носить больничную пижаму?

Улыбка Цзян Чжюя застыла на лице.

С одной стороны, у малыша есть манеры — он добавил «позвольте спросить».

С другой стороны, он назвал папу по полному имени!

— Но полосатая кофта под зебру — она же тоже в вертикальную полоску, как больничная пижама!

— Нет. Похожа на робу.

— Как это похожа на форму? Там же нет номера!

— Если бы там был номер, это значило бы, что меня уже поймали и поставили клеймо!

— Ну конечно же, на спортивной форме должен быть номер! Иначе как выходить на поле?2

Примечание 2: Здесь игра слов: Лу Ао имеет в виду 囚服 — qíúfú, тюремная роба, а Цзян Чжюй 囚服 — qíúfú, спортивная форма.

— Кря-кря-кря!

— Пип-пип-пип!

Короче, разговор глухого с немым3.

Примечание 3: 鸡鸭不通 - дословно «курица разговаривает с уткой», идиома о полном взаимном непонимании).

Отец и сын говорили-говорили, но так и не поняли, что же каждый из них имел в виду.

Наконец, Лу Ао поднялся на ножки прямо на больничной койке и с размахом махнул маленькой ручкой:

— Я, Лу Ао, на протяжении всей жизни поступаю открыто, честно и с чистой совестью! Так что робу я носить не стану! Ни за что!

Цзян Чжюй, напуганный его внезапным движением, схватился за сердце и отпрянул назад.

Закончив речь, Лу Ао нахмурился и посмотрел на него с недоумением:

— Ты чего?

— Боялся, что ты меня зацепишь.

Цзян Чжюй прокашлялся и снова включил режим «строгого папы»:

— Точно хочешь (больничную пижаму)?

Лу Ао энергично кивнул:

— Точно.

— Ладно, тогда я спрошу у дежурной медсестры. А ты пока убери одежду.

— Хорошо.

Цзян Чжюй повернулся и вышел. Лу Ао снова уселся на койку, и, сопротивляясь желанию закрыть глаза, аккуратно сложил одежду и запихнул её обратно в чемодан.

«Цзян Чжюй, твой вкус...» Ладно, эту фразу он уже устал повторять.

Вскоре Цзян Чжюй вернулся, держа в руках детский комплект больничной пижамы:

— Держи, больничная одежда, как ты хотел. Сам переоденешься?

— Да, я смогу, — ответил Лу Ао, принимая пижаму.

Он спрыгнул с кровати и уже направился в сторону санузла, как Цзян Чжюй остановил его:

— Надень тапки! Не смей ходить босиком по полу! А то маленькие червячки заползут тебе между пальчиков ног, поднимутся в горло, начнут там щекотать — и ты будешь кашлять: «Кхе-кхе-кхе!»

Он что, правда считает его трехлетним малышом? Ах да... Он не просто «похож» — он им и является.

Лу Ао вздохнул и обернулся. Он помнил: когда шел в туалет, видел у двери пару одноразовых тапочек. Должны были остаться на том же месте.

Но в этот момент Цзян Чжюй достал из чемодана запечатанный пыленепроницаемый пакет:

— Дедушка Чжан и вправду предусмотрительный! Даже тапочки захватил. Надень эти.

— Угу, — буркнул Лу Ао.

Он лишь молча наблюдал, как Цзян Чжюй героически извлёк из пакета пару пластиковых детских тапочек.

Любимый выбор детей от нуля до пяти лет: классическая красно-синяя расцветка, на левом тапке — Ультрамен, на правом — забавный монстрик.

— Я надена больничные, — категорично произнёс Лу Ао.

— Нельзя, — Цзян Чжюй схватил его за воротник пижамы и буквально притянул обратно. — Одноразовые тапки слишком велики, да и подошва тонкая. В них ты поскользнёшься. Я их только что выбросил. Будешь носить наши.

Лу Ао поднял взгляд:

— На этот раз никаких переговоров?

Цзян Чжюй был непреклонен:

— Никаких.

— Руки прочь! — закричал Лу Ао в отчаянном протесте, но Цзян Чжюй уже просунул руки ему под мышки и поднял малыша в воздух.

— Цзян Чжюй! Ты что творишь?! Это же безобразие!

Цзян Чжюй, держа его на весу, выровнял маленькие ножки Лу Ао точно над злосчастными тапочками и... опустил.

Скрррриииип!

Мир замер. Весь.

Цзян Чжюй остолбенел. Лу Ао окаменел.

Спустя секунду отец и сын пришли в себя одновременно.

Цзян Чжуй попытался объяснить:

— Эти тапки... они с пищалкой⁴. Дедушка Чжан, наверное, не разобрался, просто схватил первые попавшиеся.

Примечание 4: 叽叽 — jiào jiào xié, детская обувь, которая пищит при нажатии.

Лу Ао затрепыхался с удвоенной силой:

— Какие еще «пищалки»?! Или «вопилки»?! Не надо! Отпусти!

— Других тапочек нет. Ничего страшного, тут же никого нет, — успокаивал его Цзян Чжуй.

— НЕ-НА-ДО!

— Лу Ао! — голос Цзян Чжуйя внезапно стал твёрдым, включился режим строгого папы. — Надевай тапки. Сейчас.

Лу Ао поднял голову, встретился со строгим взглядом Цзян Чжуйя и машинально буркнул:

— Сам надену.

Тот самый глубинный родительский авторитет, исходящий от Цзян Чжуйя, снова взял над ним верх. Лу Ао зажмурился, стиснул зубы, собрал всю волю в кулак...

И в тот миг, когда его левая нога всей тяжестью опустилась на тапок с Ультраменом, раздалось: «Скррриииип!»

И в тот миг, когда его правая нога опустилась на тапок с монстриком, раздалось: «Пиийиск!»

Лу Ао зашагал в ванную, оставляя за собой звуковую дорожку.

Скрррриииип! — Пиийиск!

Скрррриииип! — Пиийиск!

Он зашел внутрь, плотно закрыл дверь и приступил к переодеванию.

Через три секунды из-за двери вновь донесся его яростный вопль:

— А-а-а!

Почему его трусики-боксеры тоже с Ультраменом?!

Цзян Чжуй, я буду ненавидеть тебя вечно!

Даже детская больничная пижама оказалась Лу Ао слегка великовата. Пришлось подвернуть рукава и штанины аж два раза, чтобы сидело как надо. Переодевшись, он вышел. Отец и сын сидели, будто поссорившись, не проронив ни слова.

Когда Цзян Чжуй решил, что лекарство должно было уже подействовать, он велел Лу Ао

ложиться спать.

Тот собирался было заявить, что выспался утром и днём ему не уснуть. Что лучше заняться чем-то полезным — например, побыть одному и поразмышлять о жизни.

Но...

Лу Ао лежал на спине на больничной койке. Цзян Чжиюй сидел рядом. Сквозь мягкое одеяло ладонь Цзян Чжиюя мягко легла ему на грудь и начала ритмично похлопывать.

Сон, которого Лу Ао не мог добиться даже снотворным в прошлой жизни, нахлынул теперь, как тёплая волна, и мягко окутал его. Перед тем как окончательно провалиться в сон, последняя мысль Лу Ао была: «Колдовство! Это точно колдовство!»

Цзян Чжиюй навел на него чары! Он ни за что не позволит Цзян Чжиюю... восторжествовать...

Хр-р-р... ХР-Р-Р...

Так Лу Ао и уснул.

Возможно, из-за недавнего перерождения. Возможно, из-за болезненной сонливости.

Но Лу Ао спал невероятно крепко.

Он и сам не знал, сколько времени прошло, когда его слуха вдруг коснулся знакомый голос дедушки Чжана:

— Маленький господин? Маленький господин, пора вставать. Если проспешь сейчас, ночью не уснёшь.

Лу Ао машинально перевернулся на бок и отмахнулся:

— Дворецкий Чжан, вы забываете о субординации...

Не договорив, Лу Ао резко спохватился. Он вскочил на кровати как ошпаренный.

Он же сейчас не двадцативосьмилетний бизнес-магнат Лу Ао! Он трёхлетний малыш!

Лу Ао повернул голову к дедушке Чжану. Старик сидел у койки — ровно на том месте, где обычно сидел Цзян Чжиюй.

Возможно, Лу Ао проговорил слишком тихо. А возможно, дедушка Чжан в свои годы был глуховат на ухо. Так или иначе, на лице старика не дрогнул ни один мускул. Казалось, он вообще ничего странного не заметил.

Лу Ао с облегчением вздохнул. Дедушка Чжан отвел его в ванную умыться и помог окончательно проснуться. После умывания, выпив стакан теплой воды, Лу Ао получил от дедушки Чжана коробку с игрушками.

Он машинально взял слайд-пазл, перемешал элементы... и собрал обратно. Собрал... и снова перемешал. Пальцы автоматически двигали кусочки пазла, а сам Лу Ао погрузился в раздумья, обдумывая свои следующие шаги.

Примечание 5: □□□□ — это тип головоломки, где нужно перемещать (скользить) отдельные плитки (обычно квадратные) внутри ограниченной рамки, чтобы собрать цельное изображение или упорядочить числа. Самый известный пример — «пятнашки» (15-puzzle), где нужно упорядочить 15 пронумерованных квадратов в рамке 4×4.

Сегодня в обед, посмотрев новости, он примерно разобрался с текущими перспективными отраслями и мировой ситуацией.

Он поставил перед собой три цели на эту перерожденную жизнь:

Он будет много есть и усердно тренироваться, чтобы поскорее вырасти и вытянуться. Как минимум, чтобы Цзян Чжюй больше не мог таскать его за шиворот!

Он будет копить силы и развиваться в тени. Будь то игра на бирже или компьютерный хакер — он готов попробовать всё.

На данный момент Цзян Чжюй относится к нему неплохо. Он может отплатить ему добром. Может помочь Цзян Чжюю развестись с его холодным и бессердечным супругом и уйти вместе с ним из той ледяной семьи. А может... обеспечивать Цзян Чжюю в старости.

Скажем, по десять тысяч юаней в месяц.

Этого хватит на достойную жизнь, но не на безумные траты.

Однако...

Лу Ао поднял голову и огляделся. Куда подевался Цзян Чжюй? Он с самого пробуждения его не видел. Неужели опять сбежал развлекаться? Неужели ему так не терпится?

Дедушка Чжан, заметив его беспокойство, тут же спросил:

— Маленький господин, что случилось?

Лу Ао отвел взгляд:

— Ничего.

— Маленький господин ищет господина?

— Да я вовсе не ищу его!

— Господин пошёл...

— Не говори! Мне не интересно! — резко оборвал его Лу Ао.

Он сжал кулачки и твердо решил: содержание Цзян Чжюю в старости урезается до ста юаней в месяц!

Хотя... На сто юаней в месяц можно и голодать.

Да и в обед они поссорились из-за тапочек... Он тоже был не прав. Цзян Чжюй заботился о нем целый день — имеет право развеяться.

Тогда пусть будет девять тысяч девятьсот девяносто девять юаней в месяц!

Yánchéng Tàishòushēng

«Противный Цзян Чжюй! Я же болею, а он сбежал развлекаться!»

«Но он действительно пробыл со мной в больнице очень долго — целое утро, плюс первую половину дня, плюс обеденное время!»

Лу Ао специально разделил «утро», «первую половину дня» и «обеденное время» — так казалось, будто Цзян Чжюй провел с ним больше времени.

На самом деле... Цзян Чжюй был не так уж и противен.

Он мысленно пообещал себе: если Цзян Чжюй успеет вернуться до двенадцати ночи сегодня, он его простит и назначит ему пенсию в десять тысяч юаней в месяц.

А если Цзян Чжюй не вернется вовремя, то за каждый час опоздания будет вычитаться один юань. Пока не вычтется всю пенсию до нуля!

Лу Ао уже подумывал ввести «пенсионную систему учёта рабочего времени».

Предположим, базовая пенсия Цзян Чжюя — десять тысяч юаней в месяц. Сверх этой суммы за каждый час, который Цзян Чжюй проведет с ним, он будет получать премию в тысячу юаней.

Лимита на премии не было! Если бы Цзян Чжюй проводил с ним все двадцать четыре часа в сутки, то мог бы зарабатывать двадцать четыре тысячи юаней в день.

Цзян Чжюю наверняка очень понравилась бы такая система. Он бы не отходил от Лу Ао ни на шаг, таская его за собой даже в ночные клубы и бары.

Кхм-кхм! Конечно же, сам Лу Ао ни за что не пошел бы в такие места!

Хотя денег он ещё не заработал, Лу Ао уже всю раздавал отцу щедрые обещания на бумаге. Он даже бросил собирать пазл. Подперев щечку маленькой ручонкой, как настоящий Мыслитель, он сладостно предавался фантазиям о прекрасной жизни в тесном обществе Цзян Чжюя.

Пожалуйста, не поймите превратно.

Он всего лишь хотел нанять Цзян Чжюя, чтобы тот ухаживал за ним лично. В сущности, это были деловые отношения, а не отцовские чувства. Он всё ещё не простил Цзян Чжюя...

Не успел он договорить, как раздался лёгкий щелчок, и дверь палаты открылась снаружи.

Мысли Лу Ао прервались. Он поднял голову и посмотрел на дверь.

В дверном проёме, облокотившись на косяк, стоял Цзян Чжюй с рюкзаком за плечами, скрестив руки на груди.

Глаза Лу Ао блеснули, но он тут же скорректировал выражение лица, спрятав наметившуюся улыбку.

Цзян Чжюй вошёл:

— Ага, я смотрел на тебя снаружи. Чего это ты то плачешь, то смеёшься? Лицо свело?

— Немного, — ни за что не признался бы Лу Ао, что думал именно о нём.

Цзян Чжюй потёр его маленькое личико:

— А сейчас?

— Уже прошло, — Лу Ао отстранил его руку и, подняв голову, серьёзно уставился на него. — Ты где был?

— Ездил домой вещи собирать, переодеться надо было.

Когда утром дядюшка Чжан уходил, он собрал только одежду и игрушки Лу Ао да свои вещи. Конечно, он не стал трогать вещи Цзян Чжюя. Поэтому Цзян Чжюю пришлось дожидаться, пока Лу Ао уснёт, попросить дядюшку Чжана присмотреть за ним и смотаться домой.

— Хм, — Лу Ао понял.

Выходит, он ошибался. Цзян Чжюй вовсе не ушёл кутить.

Цзян Чжюй тем временем отнёс принесённый рюкзак в соседнюю палату для сопровождающих.

Лу Ао вдруг что-то вспомнил и снова спросил:

— А тапочки, которые не пищат, ты мне принёс?

— А? Я забыл! — услышав это, Цзян Чжюй наконец вспомнил. Он обернулся и посмотрел на Лу Ао с виноватым выражением лица. — Прости, Аоао.

Лу Ао только раздражённо нахмурился. Цзян Чжюй не умел просто говорить — ему обязательно надо было строить из себя милашку.

Он отвернулся и уставился на маленькие пластиковые тапочки, стоявшие на полу. Похоже, придётся поносить их ещё несколько дней.

Цзян Чжюй разложил вещи, вымыл руки и только тогда вернулся к больничной койке.

Увидев пазл, лежащий на одеяле, он спросил:

— Ты пазл собираешь?

— Нет, — рефлекторно отодвинул пазл подальше Лу Ао. — Я не люблю играть в такие детские игрушки.

Цзян Чжюй усмехнулся, взял пазл:

— Тогда папа сейчас его перемешает, а ты попробуй собрать обратно.

— Не хочу, я же...

— Ты боишься.

— Я не боюсь! — самоуверенно заявил Лу Ао. — Мешай давай!

Цзян Чжиюй протянул ему перемешанный пазл. Лу Ао бегло взглянул на него и собрал меньше чем за три минуты.

— Вау, вот это ловко!

— Ну конечно!

— Тогда теперь я перемешаю его спиной к тебе, а ты не подглядывай.

— Пожалуйста! Я не опустился бы до того, чтобы заниматься таким свинством!

Во второй раз Цзян Чжиюй, стоя спиной к Лу Ао, перемешал пазл, но Лу Ао, наоборот, собрал его ещё быстрее.

— Неплохо, — снисходительно протянул Цзян Чжиюй, беря пазл. — Но настоящий мастер должен уметь собрать его вслепую.

— Что?! — Лу Ао схватил его за руку. — Ты хочешь, чтобы я собирал его, не глядя? Это же невозможно!

— А ты попробуй. Раз уж ты такой умный, — игриво поддразнил его Цзян Чжиюй, закрывая ему глаза рукой. — Неужели ты мелко плаваешь?

— Кто мелко плавает?! — Лу Ао взвился. — Давай-ка! Я соберу его с закрытыми глазами, и ты увидишь!

Он яростно схватил кусочки пазла. Хотя он и не видел картинку, в его памяти всё ещё были свежи сложные узоры, которые он только что собирал. Его маленькие ручки двигались с удивительной скоростью и точностью, будто видя картинку внутренним взором.

— Готово! — Лу Ао триумфально сбросил руку Цзян Чжиюя со своих глаз. Его взгляд, полный вызова, сверкал. — Ну? Кто здесь мелко плавает?

— Неужели и вправду так ловко? Не верю! Давай ещё раз, сейчас я засеку время!

— Давай же!

Простой, самый обычный пазл из девяти кусочков, а отец и сын, согнувшись над ним, играли с ним почти целый час.

Когда Цзян Чжиюй вернулся, было уже около пяти вечера. Он сменил дядюшку Чжана, взяв на себя обязанность развлекать Лу Ао игрушками. А дядюшка Чжан отправился на кухню готовить ужин.

К шести часам вечера, когда из окон каждого дома потянулись ароматы ужина, их трапеза тоже была готова.

Душистая, горячая, нежная лапша ручной работы, поданная с свежеприготовленной яичницей с помидорами.

Тщательно перемешав всё палочками, чтобы каждая лапшинка пропиталась насыщенным томатным соусом, и вот он — первый глоток: лапша упругая и эластичная, яйца воздушные, с румяной корочкой, а в воздухе витает неуловимая кисло-сладкая нотка помидоров.

Лу Ао, в слюнявчике с ленивцем Лань Яном, сжимая в руке детские палочки «Салат из травок» (в наборе с детской ложечкой «Травяной пирог»), умял ещё две большие порции. Вкусно! Даже лучше, чем западная еда!

После ужина Лу Ао посмотрел полчаса вечерних новостей, а затем пришли врач и медсестра, чтобы проверить его состояние.

Всё как в обед.

Однако на этот раз они не использовали тот преувеличенно-сюсюкающий тон, словно разговаривая с малышом. На сей раз они обращались с ним, как со взрослым, коротко и по делу объясняя, что нужно делать.

Лу Ао определённо предпочитал такой формат осмотра. После утренней проверки у него аж мурашки по коже бегали и долго не проходили. Просто он не понимал, почему они вдруг сменили манеру. Возможно... кто-то специально им подсказал.

Цзян Чжиюй, скрестив руки, стоял позади всех, с уморительно-весёлым выражением лица наблюдая за Лу Ао.

Осмотр закончился. Врач убрал стетоскоп, повторив примерно те же рекомендации. Но на сей раз он обращался не к Цзян Чжиюю, а напрямую к Лу Ао:

— Малыш, твоё состояние стало намного стабильнее, но тебе всё равно нужно больше отдыхать и вовремя принимать лекарства. Если ночью почувствуешь себя плохо, скажи папе или нажми кнопку у изголовья кровати.

— Понял. Спасибо, — Лу Ао с лёгким кивком протянул врачу руку.

Врач, нахмурившись, на секунду задумался, затем осторожно пожал её. Их руки зеркально двинулись вверх-вниз. Лу Ао с невозмутимым видом изрёк:

— Благодарю за труды. До завтра.

Врач бессознательно выпрямился, его уверенность меркла перед харизмой ребёнка:

— Н-не за что... Пожалуйста, отдыхайте. Я зайду проведать вас завтра.

Он даже непроизвольно перешёл на вежливую форму. Покидая палату, врач потирал затылок, его шаги были неуверенными, а весь вид выражал полную растерянность. «Что это за ребёнок-то такой, прямо маленький взрослый? Вот это действительно сбило с толку... Голова кругом, будто потерял контроль над речью и действиями».

После ухода врача и медсестры Цзян Чжиюй наконец не сдержал смеха. Он потрепал Лу Ао по макушке:

— Малыш, когда ты освоил тайное боевое искусство «Ладонь, Растворяющая Кости»? Дядя врач чуть не рухнул в обморок от твоего рукопожатия!

Лу Ао, сохраняя серьёзное выражение лица, ответил честно:

— Это элементарные правила светского этикета.

— Как же в тебе нет ни капли зачатков чувства юмора? — вздохнул Цзян Чжиюй.

Лу Ао промолчал и просто протянул ему руку. Цзян Чжиюй удивлённо поднял бровь и осторожно протянул свою:

— И папе тоже хочешь руку пожать? Хочешь и папу в нокаут отправить?

Лу Ао раздражённо провёл рукой по лицу:

— Пора. Давай вечерние таблетки.

— Ага, — Цзян Чжиюй убрал руку и протянул ему маленькую зелёную пилюлю. — Впервые вижу малыша, который сам требует лекарств.

Лу Ао швырнул таблетку в рот и проглотил с каменным лицом:

— Могу ещё сотню таких умять.

— Не занимайся мошенничеством с едой и питьём!

Уголок рта Лу Ао дёрнулся.

Цзян Чжиюй... вот уж действительно юморист. Весь пропитан юморными зачатками.

После приёма лекарств, немного отдохнув, Цзян Чжиюй повёл Лу Ао в ванную помыться.

Цзян Чжиюй, держа душевую лейку, присел перед детским тазиком и налил в него до половины тёплой воды. Он щупал воду рукой, убедился, что температура нормальная, выключил воду и спросил, пожав плечами:

— Сам будешь мыться или папа поможет?

Он повернулся и тут же всё понял: Лу Ао стоял за дверью ванной, крепко прижимая ладони к воротнику рубашки, с видом полной боевой готовности.

Боссу надо мыться самому!

Босса никто не смеет видеть голышом, даже папа!

— Ладно, мойся сам, — сказал Цзян Чжиюй. — Сегодня ты особо не потел и из палаты не выходил, так что не усердствуй, просто оботрись как следует. Сверху вниз, изнутри наружу. Ты выжимать тряпку умеешь?

— Разумеется, — ответил Лу Ао с достоинством.

— Отлично! Папа будет болеть за тебя снаружи!

— Не требуется.

Дверь ванной закрылась. Лу Ао закатал рукава, присел перед тазиком. Он окунул в воду полотенце, изо всех сил выжал его и для начала умыл лицо.

За дверью донёсся нарочито воодушевляющий голос Цзян Чжиюя:

— Борись, трудись, мойся на совесть!

Лу Ао прижал полотенце к лицу, пытаясь сбежать от реальности.

Как его отец может быть таким детсадовским?

Пять секунд тяжёлого молчания — и лишь тогда Лу Ао собрался с духом, поднял голову и снял больничную пижаму. Теперь он был коренастым голышом. Чтобы протереть себя с ног до головы, ему не потребовалось и трёх минут.

Закончив, он подошёл к вешалке с одеждой и начал одеваться.

Цзян Чжуйю специально положил вещи на самую нижнюю полку — до них можно было дотянуться, не вставая на цыпочки.

Чистая больничная пижама и трусики с мультяшными монстриками.

Лу Ао, сжав кулачки, зажмурился и натянул одежду. Затем он распахнул дверь ванной.

Цзян Чжуйю уже ждал его у порога и, увидев сына, заплодировал:

— Приветствуем, приветствуем героя банных сражений, вернувшегося с победой!

Лу Ао изо всех сил сдерживал улыбку. Выпятив грудь, он важно прошествовал мимо Цзян Чжуйю. Тот потрогал его затылок, убедившись, что волосы сухие, и велел ложиться спать. Но Лу Ао возразил:

— Я не хочу спать. Днём отсыпался.

Цзян Чжуйю нарочно спросил:

— Ну и что же теперь делать? Хочешь еще поиграть в пазлы?

— Не хочу, не хочу играть. Я хочу, как в обед... — Лу Ао забрался на больничную койку, укрылся одеялом, послушно улегся, но голос его стал очень-очень тихим, как писк комара: — Погладь меня.

— Ага-а, — Цзян Чжуйю нарочно протянул. — Хочешь, чтобы папа тебя погладил? Тогда скажи: «Папа самый красивый».

Лу Ао глубоко вздохнул, ухватился за одеяло, перевернулся на бок, спиной к отцу:

— Я сам усну.

Цзян Чжуйю, смеясь, пододвинулся к нему, похлопал по спинке и затащил колыбельную:

— Баю-бай, малыш, баю-бай...

Лу Ао зажал уши и смело выдвинул обвинение:

— Хватит петь! Цзян Чжуйю, тебе пяти нот не хватает!1 Я хочу слушать классику!

Примечание 1: 五音不全 — wǔ yīn bù quán. Это очень распространенная китайская идиома, буквально означающая "неполные пять нот". Она описывает человека, который совершенно не

умеет петь, у него нет слуха или чувства ритма.

— Классики нет, но папа может спеть тебе колыбельную оперным голосом, — Цзян Чжиюй запел еще усерднее: — Ля-ля-ля...2 Папа рядом, засыпай...

Примечание 2: В оригинале используется звукоподражание "□□" (áo áo).

Под фальшивое пение отца Лу Ао...

...снова, с полной искренностью, заснул.

Колдовские чары... Это точно снова колдовские чары...

Цзян Чжиюй — маг.

Наконец убаюкав Лу Ао, Цзян Чжиюй облегчённо вздохнул, потянулся и поднялся на ноги.

Он вышел из палаты в темноте, бесшумно прикрыл за собой дверь и направился в соседнюю комнату для сопровождающих.

Две комнаты находились совсем рядом, и если бы ночью с Лу Ао что-то случилось, он бы сразу это заметил. Медсестры ночью тоже приходят на обход, померить Лу Ао температуру. Так что особо беспокоиться не о чем.

Цзян Чжиюй сначала заскочил в ванную, чтобы быстро ополоснуться, а затем плюхнулся на кровать, уткнувшись лицом в подушку и натянув одеяло с головой.

Этот день его вымотал; наконец-то можно расслабиться.

Он взял телефон, глянул на экран.

Часов в восемь с чем-то, почти в девять, Лу Синъюань прислал сообщение: самолет приземлился, сейчас он сразу садится в машину и едет обратно, дорога займет примерно еще час с лишним.

Поэтому Лу Синъюань велел ему не ждать, а ложиться спать.

Цзян Чжиюй отправил ему адрес больницы и номер палаты, затем открыл видеоприложение, начал листать ролики про котиков и собачек. Но он был слишком уставшим. Не прошло и пары видео, как глаза его сами собой закрылись, а рука с телефоном бессильно опустилась. Экран телефона погас, а Цзян Чжиюй лежал на кровати и спал мертвецким сном.

Неизвестно, сколько времени прошло.

Глубокая ночь. Тишина. Ни звука.

В тихой палате для сопровождающих вдруг раздался звук.

Скrrrrриип! — Пиииск!

Цзян Чжиюй раздраженно дернул ногой, натянул одеяло на голову.

Что за шум? Кто это в такую ночь трубит?

И следом...

Скрррриип! — Пиийиск!

Скрррриип! — Пиийиск!

Цзян Чжюй почувствовал себя ещё более раздражённым.

Откуда тут утята? В больнице, что ли, разводят...

В следующее мгновение Цзян Чжюй вскочил с кровати. Нет, это не труба и не утята... Это же «пищалки» Лу Ао! Его пищая обувь!

Он тут же спрыгнул с кровати и выскочил из комнаты.

В темной больничной палате горел ночник.

Лу Ао шагал со скрипом и писком: сначала подошёл к чемодану, нашел книжку-раскраску и фломастеры, которые принес дедушка Чжан, затем, взяв вещи, подошёл к журнальному столику, уселся и начал что-то писать.

Цзян Чжюй стоял за дверью; он хотел войти, но испугался, что Лу Ао ходит во сне, и если он резко ворвётся в палату, то может напугать мальчика.

Однако...

Лу Ао был слишком послушным.

Он сказал ему всего один раз, что нельзя ходить босиком по полу.

И Лу Ао крепко-накрепко запомнил это: даже блуждая во сне, не забыл надеть свою обувь.

<http://bllate.org/book/13911/1225871>

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17729/1662004>